

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

На правах рукописи

Маслов Денис Владимирович

ЛОКАЛЬНЫЕ МУЗЕИ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ АЛТАЙЦЕВ

Специальность 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Москва – 2017

Работа выполнена в Отделе Севера и Сибири Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор, Функ Дмитрий Анатольевич

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН Тюхтенева Светлана Петровна,

кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела этнографии Сибири МАЭ РАН Арзютов Дмитрий Владимирович.

Ведущая организация Российский Государственный Гуманитарный Университет, Учебно-научный центр социальной антропологии

Защита состоится 19 сентября 2017 года в 14.00 на заседании диссертационного совета Д.002.117.01 при Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук по адресу: 119991 Москва, Ленинский проспект, 32-а

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института этнологии и антропологии Российской академии наук и на сайте www.iea-ras.ru.

Автореферат разослан _____

дата

Ученый секретарь

диссертационного совета,

доктор исторических наук

Данилко Елена Сергеевна

Актуальность темы исследования. В постсоветский период российская этнология активно расширяла границы своего проблемного поля, но тема этнической культуры по-прежнему составляет фундамент дисциплины¹. Дискуссии вокруг содержания понятий этнос и этничность, формирования и развития постсоветских форм национализма в республиках Российской Федерации и других странах СНГ всеохватывающе и глубоко отразили процессы, изменявшие публичное значение этнической культуры².

В рамках этого направления в развитие проблем и методологии этнологии свой вклад вносили и сибирские материалы. Исследования постсоветской жизни как коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока, так и народов, получивших политическую институционализацию в форме республик, позволяли продемонстрировать различные стороны трансформации значений этнической культуры. Алтай, наряду с четырьмя другими республиками Сибири³, в современный пореформенный период был местом, где, с точки зрения этнологов, на состояние и развитие этнической культуры активно влиял процесс «национально-культурного возрождения». Особенно ярко этот процесс освещён в некоторых работах А. Халембы⁴, Л. Брожа⁵, И.В. Октябрьской и Е.В. Самушкиной⁶, а также С.П. Тюхтеновой⁷.

¹ Соколовский С.В. Зеркала и отражения или еще раз о ситуации в российской антропологии // Антропологический форум. СПб., 2014. № 20. С. 143 – 187.

² Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально – культурной антропологии. М.: Наука. 2003; Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX в. Москва: Новое литературное обозрение, 2006; Абашин С. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетейя, 2007; Абашин С. Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М.: Новое литературное обозрение, 2015; Тишков В.А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. М. 2016. № 5. С.5 – 22.

³ Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Тыва, Республика Хакасия, Республика Якутия.

⁴ Halemba A. The Telengits of Southern Siberia. Landscape, religion and knowledge in motion. London, New York: Routledge, 2006; Halemba A. Contemporary religious life in the Republic of Altai: the interaction of Buddhism and Shamanism // Sibirica. 2003. № 3(2). P. 165–182.

⁵ Broz L. Pastoral Perspectivism: A View from Altai. // Inner Asia. 2007. № 9. P. 291–310; Broz L. Substance, Conduct, and History: “Altaian-ness” in the Twenty-First Century // Sibirica. 2009. Vol. 8, №. 2, P. 43–70; Broz L., Habeck J.O. Siberian Automobility Boom: From the Joy of Destination to the Joy of Driving There // Mobilities. 2015. № 10:4, P. 552 – 570.

⁶ Октябрьская И.В., Самушкина Е.В. Общественное движение в Республике Алтай: традиционализм и проблема мобилизации этничности // Вестник НГУ. 2006. № 5(3). С. 98 – 107; Самушкина Е.В. Новые национальные праздники как один из способов символического воспроизводства этничности // Проблемы

В российской и зарубежной этнологии и антропологии методологическим инструментом описания и анализа современного состояния этнокультурных процессов, в том числе тех, которые в целом характеризовались как «национально-культурное возрождение», была теория национализма. К середине нулевых годов процессы, характерные для периода «национально-культурного возрождения», как минимум в Республике Алтай, изменились. Расширяющееся потребление, возросшая мобильность, делокализация коммуникации создали новые пути изменения и развития этнической культуры как явления в современном мире. Эти векторы изменения этнической культуры показывают, что конструированием национальных сообществ, созданием унифицированных культурных образов, актуализацией этнических идентичностей и повышением значения последних в эмоциональной жизни людей современное состояние этнической культуры не исчерпывается. Вместе с этим методология национализма начинает терять свою эвристическую ценность для понимания этнической культуры в период «после «национально-культурного возрождения»».

Республика Алтай, где были собраны материалы, составившие основу для написания этой диссертации, является интересным примером появления и развития новых сфер востребованности этнической культуры в постсоветском обществе. Вторая половина 2000-х годов для Республики Алтай была периодом заметных социальных, экономических и культурных преобразований, не связанных напрямую с национальной интеграцией, но все же влиявших на этническую культуру алтайцев. В это время социальное расслоение стало заметно не только в экономической сфере, но и в формировании различных образов жизни. Отчетливо проявляются последствия влияния миграции

истории, филологии, культуры. 2009. № 1. С. 581 – 595; Самушкина Е.В. Символические и социо-нормативные аспекты современного этнополитического движения республик Алтай, Тыва, Хакасия (конец XX – начало XXI в.). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009.

⁷ Тютенева С.П. Земля. Вода. Хан Алтай: этническая культура алтайцев в XX в. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2009; Тютенева С.П. Деньги-бумага, человек-золото // Этнографическое обозрение 2009. № 2. С. 16 – 22.

молодежи из сельской местности в город на этническую культуру и социальное усложнение. Наконец, ярким изменением, непосредственно влиявшим на социальную и этнокультурную сферу, стало развитие туризма, которое рассматривается многими жителями Республики Алтай как вызов этнической культуре.

Как и в других регионах Российской Федерации, в Республике Алтай появились институты и практики, которые в условиях происходящего социального усложнения формируют новые, нехарактерные для условного «традиционного» общества, способы трансляции знаний об этнической культуре и наделения этнической идентичности актуальным культурным смыслом. Говоря иначе, солидарность постсоветского общества, внутри которого стремительно множатся социальные границы и появляются различные образы жизни, поддерживается не только чувством единой этнической идентичности и языка. Активная роль в этом процессе принадлежит инструментам репрезентации этнической культуры.

Сегодня можно наблюдать особенный интерес к исследованию работы институтов репрезентации культуры и их влияния на модели поддержания солидарности в постсоветском обществе. Интерес к научному пониманию институтов репрезентации культуры можно найти в ряде работ на материалах сибирского региона, основной проблемой которых была не этничность сама по себе, а постсоветское состояние культуры и общества⁸. Частью этого интереса стали и исследования музеев в российской этнологии. За последние годы этой

⁸ Хамфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России. Москва : Наталис, 2010. 382 с.; *Reconstructing the House of Culture. Community, Self, and the Makings of Culture in Russia and Beyond*/ Eds. Brian Donahoe and Joachim Otto Nabeck. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2011. 336 p; Практика постсоветских адаптаций народов Сибири / Российская акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; [отв. ред. Д. Функ, Х. Бич, Л. Силланпяя]. Москва : [б. и.], 2006. 228 с.; Андерсон Д. Тундровики: экология и самосознание таймырских эвенков и долган. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 247 с.

теме были посвящены специальные номера ведущих периодических изданий⁹. Десятками исчисляется количество научных работ, освещающих эту тему¹⁰.

На этом фоне появление локальных музеев в Республике Алтай в период после «национально-культурного возрождения» делает обращение к их описанию и анализу актуальным сразу по нескольким причинам. Это не только статистически заметное явление регионального масштаба, анализ которого актуален в силу современности явления и имеет научную ценность сам по себе. Он актуален и в контексте современных этнологических исследований моделей солидарности постсоветского общества, поскольку музеи – один из инструментов репрезентации этнической культуры.

Степень разработанности темы исследования. Эта работа посвящена исследованию и анализу современного состояния культуры и общества

⁹ Музейная антропология // Этнографическое обозрение. 2010. № 4; Этнографические музеи сегодня // Антропологический форум. 2007. № 6.

¹⁰ Гаврилова К.А. Этнический активизм и локальные стратегии производства этнической культуры в марийских деревнях Кировской области Дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.07 / Гаврилова Ксения Андреевна; [Место защиты: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН]. Санкт-Петербург, 2016. 352 с.; Куприянов П.С. Образ традиционной культуры в историческом музее: производство, особенности и функции // Этнографическое обозрение. 2016. № 6. с.11 – 26; Мельникова Е.А. Локальное прошлое на границе национального: краеведческие музеи Северного Приладожья в постсоветское время // Антропологический форум. 2015. № 25. С. 9 – 41; Юдин Г.Б., Колошенко Ю. А. Стратегии производства туристического опыта в малом городе: локальное сообщество и символическое конструирование в городе Мышкин // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. №5; Донован В. «Идя назад, шагаем вперед»: краеведческие музеи и создание местной памяти в Северо-Западном регионе. 1956–1981 // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 379 – 402; Ляльская Е. О "бабушках", модели священного места и музейной этнографии (по материалам экспедиций 2006-2007 гг. в Ямало-Ненецкий автономный округ) // *Nomen est omen: Сборник статей к 60-летию Николая Борисовича Вахтина (от непослушных учеников)*. СПб.: Издательство Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2010. С. 161 – 177; Соснина О., Ссорин-Чайков Н. Постсоциализм как хронотоп: постсоветская публика на выставке «Дары вождям» // *Неприкосновенный запас*. 2009. № 2(64). С. 207 – 226; Абашин С. Мустакиллик и память об имперском прошлом - проходя по залам ташкентского Музея памяти жертв репрессий // *Неприкосновенный запас*. 2009. № 4(66) С. 37–54; Oushakine S.A. The Politics of Pity: Domesticating Loss in a Russian Province // *American Anthropologist*. 2009. Vol. 108, No. 2. P. 297 – 311; Кимеев В.М. Экомuzeи Притомья и сохранение этнокультурного наследия : генезис, архитектура, функции : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.07 / Кимеев Валерий Макарович; [Место защиты: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН]. Санкт-Петербург, 2009. 574 с. Кузнецов А. Антропология современного провинциального музейного сообщества (На примере историко-краеведческих музеев г. Ульяновска) // *Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии*. М., 2008. С. 258 – 266; Байбурин А.К. Этнографический музей: семиотика и идеология // *Неприкосновенный запас*. 2004. № 1(33). С. 138 – 145; Bloch A. Authenticating Tradition: Material Culture, Youth and Belonging in Central Siberia // *Museum Anthropology*. 2000. № 23(3). P. 42 – 57.

алтайцев¹¹, поэтому в первую очередь следует охарактеризовать этнографические работы об этой культуре. Корпус этих работ достаточно обширен и имеет долгую, почти трехвековую историю. Учитывая специфику объекта исследования, моё основное внимание было сосредоточено на изучении работ, освещающих материальную и праздничную культуру алтайцев.

Работы Г.И. Спасского¹², А.М. Горохова¹³, П.А. Чихачева¹⁴, В.И. Вербицкого¹⁵, В.В. Радлова¹⁶, Г.Н. Потанина¹⁷, А.В. Адрианова¹⁸, С.П. Швецова¹⁹ представляют собой первые исследования культуры народов, проживавших на территории Республики Алтай в XIX веке. Следует отметить, что, несмотря на принципиальную ценность трудов этих учёных для алтаистики, не все они одинаково информативны с точки зрения специфического интереса к таким элементам этнической культуры как праздничная культура и мир вещей. Исследователи первой половины XIX века уделяли больше внимания религиозным концепциям аборигенов Алтая, их языку и фольклору, в то время как систематическое и детальное описание материальной культуры, социальных отношений, хозяйственного уклада отходило на второй план. Важное исключение составляет работа В.В. Радлова, в которой собран богатый материал относительно

¹¹ В этнологической литературе этноним алтайцы используют двояко. С одной стороны, он применяется для описания совокупности коренных народов Республики Алтай. С другой стороны, в более строгом смысле, алтайцами называют самую многочисленную этническую группу коренных народов республики – *алтай-кижи*. Кроме этого, со второй половины XIX века коренные народы Алтая принято разделять на южную (*алтай-кижи, теленгиты, телёсы и телеуты*) и северную (*кумандинцы, челканцы, тубалары*) группы. См. Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов. М.: Наука, 2006. С. 375. В этой работе описывается и анализируется современное состояние культуры *алтай-кижи* и *теленгитов*, по этой причине, при характеристике работ об этнической культуре алтайцев, я концентрируюсь на трудах, посвященных культуре *алтай-кижи* и *теленгитов*.

¹² Спасский Г.И. Путешествие к алтайским калмыкам в 1806 г. // Сибирский вестник. СПб., 1819. Ч.4. С.15 – 40.

¹³ Горохов А.М. Краткое этнографическое описание Бийских или Алтайских калмыков // Журнал МВД. – СПб., 1840. Ч.38.Кн.10. С.45 – 55.

¹⁴ Чихачев П.А. Путешествие в восточный Алтай. М.: Наука, 1974.

¹⁵ Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. Сб. этнографических статей и исследований. М.: Скоропеч. А.А. Левенсон, 1893.

¹⁶ Радлов В.В. Из Сибири. М.: Наука, 1989.

¹⁷ Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005.

¹⁸ Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 г. по поручению Императорского Русского географического общества и его Зап.-Сибирского отдела членом-сотрудником А. Адриановым : Предварит. отчет. Омск : тип. Окр. штаба, 1888.

¹⁹ Швецов С.П. Горный-Алтай и его население. Барнаул, 1900. Т.1.

пищи, одежды и жилища, бытовавших у алтайцев в середине – второй половине XIX в.

Первая половина XX в. ознаменована появлением плеяды учёных, написавших классические этнографические труды по культуре алтайцев. Так, уникальные материалы по духовной и музыкальной культуре алтайцев оставил А.В. Анохин²⁰. Институционализировавшаяся советская этнография активно развивалась благодаря исследованиям аборигенов Южной Сибири, в том числе алтайцев, проводившимся Н.П. Дыренковой²¹, С.А. Токаревым²², Л.П. Потаповым²³. В статьях и книгах этих учёных культура аборигенного населения Алтая представлена наиболее систематично. Особую важность для этого исследования имеют труды Л.П. Потапова, посвящённые целостному описанию пищи, одежды, жилища народов Алтая (многие из этих работ были созданы и во второй половине XX в.)²⁴ Кроме этого, отношения обмена и взаимопомощи, важные для современной социальной жизни алтайцев, не могут быть поняты адекватно без знания работ всех перечисленных учёных, посвящённых этой теме.

Алтайская этнография второй половины XX в., наиболее яркими представителями которой были Л.П. Потапов, Е.М. Тощаклова и Н.И. Шатинова, представляет исключительную ценность сразу по нескольким причинам. Монографии Е.М. Тощакловой и Н.И. Шатиновой являют собой исследования, из которых можно почерпнуть информацию об изменениях культуры алтайцев,

²⁰ Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910 – 1912 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Горно-Алтайск : Ак Чечек, 1994.

²¹ Дыренкова Н.П. Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926. С.247 – 259; Дыренкова, Н.П. Пережитки материнского рода у алтайских тюрков // Советская этнография. 1937. №4. С.19 – 27.

²² Токарев С.А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. М.-Л., 1936.

²³ Потапов Л.П. Поездка в колхозы Чемальского аймака Ойротской автономной области. Ленинград: Изд-во Академии Наук СССР, 1932; Потапов Л.П. Очерки истории Ойротии. Алтайцы в период русской колонизации. Новосибирск, 1933; Потапов Л.П. Пережитки родового строя у северных алтайцев. Л., 1937; Потапов Л.П. Одежда алтайцев // Сборник музея антропологии и этнографии. М., 1951. Вып. XIII. С. 5 – 59; Потапов Л.П. Пища алтайцев // Сб. Музея антропологии и этнографии. М., 1951. Вып. XIV. С. 37 – 71.

²⁴ Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л.: Наука, 1969; Потапов Л.П. Охотничий промысел алтайцев: (Отражение древнетюрк. культуры в традиц. охотничьем промысле алтайцев). СПб.: МАЭ РАН, 2001.

проходивших в послевоенный период. Авторы формально концентрируются на «традиционных» чертах современной им народной культуры, то есть на различных элементах этнической культуры, которые сохранялись в повседневной жизни алтайцев во второй половине XX века²⁵. Мне кажется показательным, что интересы авторов как начала, так и конца этого периода, имели ярко выраженную тенденцию к описанию отношений в семье, ценностей и норм определяющих функционирование этого социального института. Возможно, это показывает, что в советский период этническая культура, лишившись содержательной публичности, кроме той, которую создаёт искусство, и профессиональная сфера культуры, была глубоко семейной.

К 90-м годам XX века алтайская этнография имела уже несколько магистральных путей развития. Один из них шёл в рамках традиционного этнографического описания, сложившегося в первой половине и устоявшегося в начале второй половины XX века. Это характерно для работ В.П. Дьяконовой²⁶, Н.А. Тадиной²⁷, Е.Е. Ямаевой²⁸, В.Н. Муйтуевой²⁹. Другое направление, активно развивающееся и сегодня, видело своей целью – путём привлечения новых данных – переосмыслить представления об этногенезе, этнической истории, религиозных воззрениях алтайцев, их фольклоре. Среди представителей этого направления стоит отметить работы Л.И. Шерстовой³⁰, Э.Л. Львовой, А.М. Сагалаева и И.В. Октябрьской³¹, Д.В. Арзютова³², Д. Ю. Доронина³³. В этот же

²⁵ Тощакова Е. М. Кожаная и деревянная посуда и техника её изготовления у южных алтайцев // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 182 – 198; Тощакова Е.М. Заметки о современном семейном быте у алтайцев // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука Сибирское отделение, 1978. С.65 – 70; Тощакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – начало XX вв.). Новосибирск: Наука, 1978; Шатинова Н.И. Семья у алтайцев. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1981.

²⁶ Дьяконова В.П. Алтайцы: (Материалы по этнографии теленгитов Горного-Алтая). Горно-Алтайск: Юч Сумер, 2001.

²⁷ Тадина Н.А. Алтайская свадебная обрядность (XIX – XX вв.). Горно-Алтайск: Юч-Сумер, 1995.

²⁸ Ямаева Е.Е. Мифы алтайцев // Фольклорное наследие Горного Алтая Горно-Алтайск, 1989. С. 172 – 181.

²⁹ Муйтуева В.А. Традиционная религиозно-мифологическая картина мира алтайцев. Горно-Алтайск, 2004.

³⁰ Шерстова Л.И. Бурханизм: истоки этноса и религии Сибири. Томск : Томский гос. ун-т, 2010.

³¹ Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Отв. ред. И.Н. Гемуев. Новосибирск: Наука, 1988.

³² Арзютов Д.В. Тагыл: локальный ландшафт и выбор ритуального места у алтайцев // Горы и границы: Этнография посттрадиционных обществ. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2015. С. 256 – 295; Арзютов Д.В. Слово

период важное место заняли работы, опирающиеся на материал, собранный не качественными, а количественными методами³⁴.

Наконец, ряд исследователей предприняли успешные попытки расширить предметное поле. Изменения в культуре алтайцев (под воздействием политических свобод, новых возможностей коммуникации и в то же время социально-экономического упадка) не кажутся им движением по оси «сохранение – потеря» этнической культуры. Напротив, в своих работах они подчёркивают гибкость культуры, адаптирующей новые для неё объекты в привычное смысловое поле, и вместе с тем учитывают процессы вовлечения элементов этнической культуры в сферу политики и изменение традиционных представлений в связи с трансформациями социального и экономического характера.³⁵ Так, С.П. Тюхтенева, анализируя развитие этнической культуры алтайцев с 60-х годов XX в. до настоящего времени, критикует применение к этому процессу унифицирующей категории «возрождение» и предлагает видеть несколько этапов, различающихся между собой прежде всего мотивами людей, влиявших на культурные изменения.

письменное и печатное: социальная жизнь нарративов и конструирование «национальной религии» на Алтае // Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте. / Отв. ред. Ж.В. Кормина, А.А. Панченко, С.А. Штырков. СПб.: Изд-во ЕУ СПб, 2015. С. 104-132.

³³ Доронин Д.Ю. Товарообмен, взаимопомощь и доля у алтайцев в постсоветский период // Торговля в этнокультурном измерении: Материалы XIV Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2015. С. 140–144.

³⁴ Нечипоренко О.В., Вольский А.Н., Сельские локальные сообщества Горного Алтая: современное состояние, проблемные ситуации. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002; Екеев Н.В. Алтай: история и культура: (избранные труды). Горно-Алтайск: БНУ РА "Науч.-исслед. ин-т алтаистики им. С. С. Суразакова", 2015.

³⁵ Halemba A. The Telengits of Southern Siberia. Landscape, religion and knowledge in motion. London, New York: Routledge, 2006; Halemba A. Contemporary religious life in the Republic of Altai: the interaction of Buddhism and Shamanism // Sibirica. 2003. № 3(2). P. 165–182; Broz L. Pastoral Perspectivism: A View from Altai. // Inner Asia. 2007. № 9. P. 291–310; Broz L. Substance, Conduct, and History: "Altaian-ness" in the Twenty-First Century // Sibirica. 2009. Vol. 8, № 2, P. 43–70; Тюхтенева С.П. Земля. Вода. Хан Алтай: этническая культура алтайцев в XX в. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2009; Енчинов Э.В. Обычай избегания в алтайской культуре // Право в зеркале жизни. Исследования по юридической антропологии. М.: Стратегия, 2006. С. 243 – 254; Енчинов Э.В. Трансформация поселений и жилищ коренных жителей Горного Алтай в конце XX – начале XXI вв // Исторический вестник: сборник научных трудов. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2013. С.14 – 21.

Наряду со специальной литературой необходимо отметить работы, в которых этническая культура алтайцев изучалась в межкультурном контексте³⁶.

Описание этнографического материала, полученного во время полевых работ, лежит в основе диссертации. Тем не менее, те вопросы, которые обрамляют исследовательскую перспективу работы и задают в ней вектор движения мысли, происходят из корпуса теоретических текстов, ставших классическими для социальной и гуманитарной мысли³⁷.

Объект и предмет. Объектом настоящего исследования выступает репрезентация этнической культуры в публичной и повседневной сферах жизни алтайцев. Предметом настоящего исследования являются модели и практики, посредством которых репрезентации этнической культуры алтайцев в локальных музеях формируют и поддерживают социальные отношения и культурные изменения.

Цели и задачи работы. Целью диссертационной работы является изучение репрезентации этнической культуры алтайцев в локальных музеях.

Для достижения указанной цели необходимо выполнить следующие **задачи**.

Во-первых, выбрать методологический инструментарий, который позволит должным образом описать и проанализировать модели и практики, посредством

³⁶ Вяткина К.В. Общие черты в материальной и духовной культуре у западных монголов, бурят и южных алтайцев. М. 1964; Вайнштейн С.И. Мир кочевников Центра Азии. М.: Наука, 1991; Алексеев Н.А. Традиционные верования тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1992; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб.:Фарн, 1994; Соколова З.П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). М.: ИПА «Три Л», 1998.

³⁷ Geertz C. Local knowledge: further essays in interpretive anthropology. New York : Basic Books, 1983.244 p; Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004 . 557 с.; Этнические группы и социальные границы : социальная орг. культурных различий / под ред. Барт Ф. Москва : Новое изд-во, 2006. 198 с.; Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 1999. 478 с.; Бурдьё П. Практический смысл. СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперимент. социологии, 2001. 562 с.; Appadurai A. Modernity at large : cultural dimensions of globalization. Minneapolis, Minn.: University of Minnesota Press, 1996. 229 p; Material cultures : why some things matter / edited by Daniel Miller. Chicago : University of Chicago Press, 1998. 243 p; Gell A. Art and agency : an anthropological theory. Oxford ; New York : Clarendon Press, 1998. 271 p; Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 319 с.; Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-пресс-Ц, 2000. 302 с.

которых репрезентации этнической культуры алтайцев в локальных музеях формируют социальные отношения и поддерживают культурные трансформации. С одной стороны, эта задача представляет собой перефразированную цель работы и решается на протяжении всей диссертации. С другой стороны, конкретное решение этой задачи, позволит критически осмыслить различные теоретико-методологические подходы к исследованию процессов и институтов, вовлеченных в трансформацию этнической культуры в связи с текущим социальным усложнением, и использовать те из них, которые возможно применить для исследования ситуации в конкретном регионе, а, вместе с этим, показать региональную специфику.

Во-вторых, описать исторический контекст и условия формирования локальных музеев. Вслед за решением первой задачи, это позволит показать, что локальные музеи в условиях сельского образа жизни являются особенным явлением, отличным от городских и национальных музеев, за которым стоит модель и практика отношения к местной культуре, сформировавшиеся в советский период благодаря популярности идей краеведения, краеведческих и общественных музеев.

В-третьих, описать и проанализировать техники репрезентации этнической культуры в локальных музеях в связи с их включенностью в социальную жизнь локального сообщества. Обращение к решению этой задачи объясняется местом локальной идентичности (как муниципальных районов, так и отдельных поселений) в современной социальной жизни алтайцев, которой этнологическая литература уделяет важное внимание. В связи с этим необходимо понять, как музеи, являющиеся одновременно учреждениями культуры и социальными институтами локального сообщества, участвуют в воспроизводстве образа локальной культуры и практиках, такую культуру поддерживающих.

В-четвертых, описать и проанализировать техники репрезентации этнической культуры в локальных музеях в связи с их вовлеченностью в

складывающуюся туристическую культуру. Исследование туристических репрезентаций этнической культуры алтайцев позволит, с одной стороны, показать какое место этническая культура занимает в туристической индустрии. С другой стороны, благодаря этому можно будет увидеть, как туризм, одна из траекторий усложнения общества, влияет на образование новых социальных границ, создание их культурного смысла и формирование модели определения границ этнического (алтайского) себя и (туристического) другого.

В-пятых, описать и проанализировать репрезентации этнической культуры в локальных музеях как инструмент изобретения культурного факта, в данном случае – алтайской национальной кухни. Решение этой задачи необходимо постольку, поскольку дает возможность показать один из путей адаптации современной этнической культуры к социальному усложнению и роль музейной репрезентации этнической культуры в этом процессе. Изобретение традиций, как показывают многие исследования, одна из наиболее востребованных форм трансформации культуры, идущей вместе с усложнением общества вообще и развитием национальной модели культуры в частности. Исследование роли локальных музейных репрезентаций в этом процессе дает возможность показать смысловой континуум, объединяющий различные локальные и социальные значения такого элемента материальной культуры, как пища.

В-шестых, описать и проанализировать репрезентации этнической культуры в локальных музеях как инструмент воображения жилища алтайцев как «традиционного». Социальное воображение является важным инструментом создания и поддержания солидарности в сложных обществах. Благодаря ему обеспечивается производство и популяризация образов единства сложного общества, основой для которых выступают предметы или места, наделенные новым культурным смыслом. Образ алтайского жилища широко используется в регионе как символ этнической культуры и охватывает совершенно различные сферы жизни. Поэтому, решение этой задачи позволит дополнить анализ

процессов, стоящих за адаптацией современной этнической культуры к социальному усложнению.

В-седьмых, описать и проанализировать репрезентации этнической культуры в локальных музеях как одну из сфер бытования современной устной культуры алтайцев. Локальные музеи – это не только учреждения и институты, где создают, поддерживают и распространяют визуальные образы этнической культуры, но и места, где рассказывают истории. Эта сфера музейной репрезентации является не менее важной, чем ее визуальная составляющая. Однако, в отличие от визуальных репрезентаций, музейные нарративы иногда позволяют показать разнообразие источников формирования конкретных рассказов, а так же степень их связанности с публичной и локальной культурой, представлениями о мире отдельных людей. Ставя эту задачу, я исхожу из того, что ее решение позволит показать, что модель репрезентаций этнической культуры локальными музеями показывает систему и логику трансформации современной культуры алтайцев вообще, как в публичной сфере, так и в локальном сообществе.

Научная новизна работы состоит в проведении исследования локальных музеев Республики Алтай как отдельного культурного явления, что позволяет описать функционирование учреждений музейного типа в различных сферах социальной жизни алтайцев, установить место таких учреждений в происходящих трансформациях этнической культуры алтайцев. Научная новизна работы также заключается в привлечении новых полевых материалов, расширяющих круг источников для изучения трансформаций этнической культуры алтайцев и особенностей их социальной жизни на современном этапе.

Методология и методы исследования. В диссертационной работе используется несколько методологических подходов, нашедших признание как в российской, так и в мировой социально-культурной антропологии. Социальная антропология, этнология и этнография понимаются в работе как синонимы,

обозначающие одну дисциплину, в силу исторических обстоятельств получившую разные названия в разных странах. Этнографический метод понимается как синоним метода включенного наблюдения.

Этничность или этническая идентичность, вслед за работами исследователей национализма, понимается здесь как одна из форм коллективной идентичности³⁸. Для современных алтайцев характерна множественная идентичность, которая не сводится исключительно к этничности. Как и другие типы идентичностей, этническая идентичность ситуативна, поскольку эмоциональная идентификация с воображаемым этническим коллективом, не существует перманентно, а проявляется в конкретной ситуации и определенном контексте. Тем не менее, для алтайцев этническая идентичность — одна из наиболее важных коллективных идентичностей. Формирующие современную повседневную жизнь алтайцев культурные смыслы и социальные ценности лежат в основе музейных репрезентаций этнической культуры, ее особых маркеров и образов.

Современную культуру алтайцев характеризуют не только исторически известные и/или «возрожденные» институты, нормы, ценности, такие как клановое социальное устройство, специфическая религиозность, календарный цикл, обряды и представления о жизненном цикле, человеческой природе и мире в целом. Не менее важную роль для нее играют институты и явления, которые сами по себе, изолированно, могли бы быть охарактеризованы как профессиональная, городская, массовая или потребительская культура. Вряд ли можно сказать, что алтайская светская литература XX века занимает менее важное место в идентичности алтайцев, чем сказительское искусство, а современная алтайская эстрада вызывает менее значимый эмоциональный отклик по сравнению с «традиционными» народными песнями. Напротив, эти совершенно различные для классического этнографического взгляда сферы

³⁸ Тишков В.А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. 2016 № 5. С. 5 – 22.

неразрывно сцеплены для самих алтайцев, а эмоциональная связь с ними наделяет смыслом и значениями ответ на вопрос «Что значит быть алтайцем?». Для описания этого единства я использую в настоящей работе термин публичная культура³⁹, а этническую культуру рассматриваю как ее составную часть.

Словосочетание «локальные музеи», нехарактерное для профессиональных музеологических классификаций, используется в работе как собирательный термин, описывающий различные по принадлежности и профилю музеи, работающие в сельских условиях, экспозиции которых посвящены этнической культуре алтайцев. Локальные музеи рассматриваются в работе как специфическое явление современной культуры алтайцев. Вслед за подходом, разработанным в междисциплинарном направлении исследований музеев (*museum studies*), локальные музеи анализируются, с одной стороны, как социальные институты, функционирующие и связанные с жизнью конкретного сообщества, с другой стороны, – как культурное явление, которое отражает состояние современной культуры алтайцев.

В этой работе я использую широкое понимание репрезентации культуры, основы которой были сформулированы в школе интерпретативной антропологии. Репрезентация культуры понимается как практика, посредством которой одновременно объективируются, создаются и усваиваются культурные смыслы и их социальные значения в современных условиях⁴⁰.

Для анализа функционирования музеев и того, как музейная репрезентация этнической культуры формирует и поддерживает социальные отношения и культурные трансформации, также используются методологические инструменты, разработанные в рамках антропологических исследований

³⁹ Appadurai A., Breckenridge C.A. Why Public Culture? // Public Culture. Fall 1988. № 1(1). P. 5 – 9.

⁴⁰ Гирц К. Интерпретация культур М.: РОССПЭН, 2004. С. 503.

туризма, в частности подход Д. МакКеннела⁴¹, и теории социальной жизни и культурной биографии вещей А. Аппадурои и Д. Копытофа⁴².

Для сбора материала, представленного в диссертационной работе, использовались два основных метода: включённое наблюдение (этнографический метод) и полуструктурированное интервью. Полевая работа, в которой применялись эти методы, была проведена следующим образом. Целенаправленный сбор материала по теме диссертации проходил в период с июля 2008 по сентябрь 2009 года с трехмесячным перерывом⁴³, в течение которого с разной степенью интенсивности я посетил все районы Республики Алтай. В диссертационной работе я также полагаюсь на материалы, полученные во время других этнографических поездок. Первая экспедиция, материалы которой используются в настоящей работе, была организована Учебно-научным центром социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета в 2005 году. В рамках этой экспедиции я, как член группы, работал в сёлах Ортолык и Кокоря Кош-Агачского района. Также я привлек материалы, которые были собраны в 2007 году на одной из стоянок Кош-Агачского района в урочище Кок-Озёк. Кроме этого, в исследовании применяются материалы, полученные в экспедиции 2010 года, работа которой была сконцентрирована на вопросах городского образа жизни представителей различных этнических групп в Республике Алтай.

Помимо источников, полученных методом включённого наблюдения и интервью, был привлечён ряд других, позволивших расширить, уточнить и дополнить информацию, полученную в поле. Также были использованы: нормативно-правовые акты; материалы статистики, собранные и опубликованные региональным отделением Федеральной службы государственной статистики по

⁴¹ MacCannell D. The Tourist. A new theory of the leisure class. Berkeley: University of California Press, 1999. 231 p.

⁴² The social life of things: commodities in cultural perspective. Cambridge [Cambridgeshire]; New York: Cambridge University Press, 1986. 329 p.

⁴³ Апрель – июнь 2009 года.

Республике Алтай; материалы статистики, собранные региональными учреждениями и ведомствами; отчеты министерств Республики Алтай; письменные неопубликованные источники об истории и работе локальных музеев, предоставленные администрациями муниципальных районов Республики Алтай; публицистическая литература, изданная в регионе; публикации рекламно-информационного характера; публикации в федеральных и местных СМИ.

Хронологические и географические рамки. Исследование охватывает период преимущественно с середины 2000-х гг. до наших дней⁴⁴. Нижняя граница определена периодом современного активного образования музеев в алтайских селах. Верхняя граница объясняется текущей актуализацией данных процессов вплоть до сегодняшнего дня.

Географические рамки соответствуют территории Республики Алтай. Ввиду наибольшего распространения музеев в соответствующих муниципальных районах, основное внимание уделено местам расселения южных алтайцев (*алтай-кижи* и *теленгитов*) в Чемальском, Шебалинском, Онгудайском, Усть-Канском, Усть-Коксинском, Улаганском и Кош-Агачском районах.

Положения, выносимые на защиту.

1) Исследование репрезентации этнической культуры в локальных музеях в целях изучения современного состояния культуры и общества алтайцев, показало конкретные способы расширения научной программы теории национализма, которые могут быть использованы в типологически сходных ситуациях у других народов Сибири и Дальнего Востока.

2) Современные локальные музеи являются преемниками институтов репрезентации культуры локального сообщества, сложившихся в советский

⁴⁴ Непосредственно полевые материалы, которые использованы в этом исследовании, были собраны в 2005, 2007, 2008 – 2009 и 2010 годах. В последующем, я получал новые материалы для своей работы посредством мониторинга региональных средств массовой информации, интернет сообществ и сайтов и, самое главное, из общения и переписки с моими друзьями и знакомыми.

период, которые были выражены в идеях краеведческого движения и общественных музеях.

3) Анализ экспозиций муниципальных музеев показал, что – как инструменты репрезентации этнической культуры – они включены в социальную механику и символическое производство, которые в большей степени формируют и поддерживают локальную идентичность, и в меньшей – национальную. Экспонаты, составляющие экспозиции, ценятся не как вещи, передающие историческую информацию, а как предметы, имеющие моральную связь с современной локальной культурой, наделяющие престижем и легитимностью. Кроме этого, музеи как учреждения существуют не только как элемент системы административной работы отделов культуры муниципальных образований, но включены в неформальные отношения, поддерживающие солидарность в локальном сообществе.

4) Исследование работы туристических музеев показывает техники и способы репрезентации алтайской культуры для этнических и социальных других. В основе этой модели репрезентации лежат приемы экзотизации культуры. Этот образ этнической культуры формируется благодаря включению в него бытовых предметов, хозяйственных практик, приемов эстетического оформления пространства, религиозных взглядов и особенностей мировоззрения, которые противопоставляются воображаемой культуре городского модерна, символом которой и являются туристы.

5) Для создания музейных репрезентаций этнической культуры используется широкий круг источников, среди которых научные знания занимают периферийное место. Главным источником таких репрезентаций являются повседневные практики, нормы и ценности современной культуры алтайцев.

6) Культурные трансформации, происходящие в регионе, находят отражение в моделях репрезентации таких элементов материальной культуры как пища и жилище. Музейные репрезентации, наряду с кулинарными книгами и

развитием культуры общественного питания, являются участниками процесса изобретения нового культурного факта – кухни алтайцев, то есть системы отношения к пище, объединяющей повседневные, праздничные и ритуальные пищевые практики.

7) Центральная роль, которую занимает жилище алтайцев в репрезентации этнической культуры в локальных музеях, отражает принципиальное значение деревенского образа жизни, практических, социальных, символических особенностей, составляющих этот тип повседневности, для алтайской идентичности. Тот факт, что деревня является местом, где происходят главные события как хозяйственного, так и жизненного цикла современных алтайцев, а также воображаемая «традиционность» многоугольных *айылов*, характерных для деревенских домохозяйств, объясняет использование этого типа жилища как метафорического символа алтайской культуры вообще.

Апробация результатов работы. Основные положения настоящего исследования, а также результаты полевых работ были представлены в ряде научных публикаций, докладов на российских и международных семинарах и конференциях, были использованы в учебных курсах Учебно-научного центра социальной антропологии РГГУ и кафедры этнологии исторического факультета МГУ.

Часть исследования была выполнена в рамках проектов:

– «Социальная антропология современного российского города: изучение и подготовка специалистов» Федеральной целевой программы Министерства образования и науки РФ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» ГК № 02.740.11.0352 от 20 июля 2009 года, руководитель исследования академик РАН, проф. В.А. Тишков;

– «Коренные малочисленные народы города»: современные адаптационные стратегии и практики коренных малочисленных народов Крайнего Севера,

Сибири и Дальнего Востока РФ (грант РГНФ № 10-01-00028а, рук. д.и.н., проф., Д.А. Функ).

Диссертация прошла обсуждение на заседании Отдела Севера и Сибири Института этнологии и антропологии Российской академии наук и была рекомендована к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Структура исследования соответствует логике поставленных целей и задач. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложений.

Основное содержание диссертации.

Во **введении** обосновывается актуальность, представлена степень изученности проблемы, выделены объект и предмет, обозначены цель и задачи исследования, хронологические и территориальные рамки, а также даны характеристики источниковой базы. Раскрываются научная новизна и положения, выносимые на защиту, изложены сведения об апробации результатов работы и структуре диссертации.

В **основной части** работы проводится исследование современных институтов и практик репрезентации алтайской этнической культуры в локальных музеях, публичной сфере и повседневной жизни.

В **первой главе «Локальные музеи и репрезентация этнической культуры в контексте теории и методологии этнологии/антропологии»** определен теоретический и методологический инструментарий диссертационного исследования, излагаются исследовательские подходы и концепции, выступающие в качестве теоретического и методологического фундамента диссертационной работы, формулируются принципы исследования репрезентации этнической культуры в локальных музеях.

В *параграфе «Городские алтайцы: статистический и этнологический анализ»* на основе статистических и этнографических материалов анализируются типы миграционных процессов в Республике Алтай, дается характеристика

отношений между алтайцами – горожанами и сельскими жителями. Наличие тесной миграционной связи между городом и сельской местностью – качественная черта современной Республики Алтай. Её главная характеристика – постоянное увеличение числа горожан за счёт оттока жителей сельской местности. При этом миграционную связь между городом и деревней нельзя оценивать как одностороннюю. Напротив, она имеет почти равные показатели в обоих направлениях. Количество людей, прибывающих или убывающих за один год, в разы больше показателей естественного прироста или оттока.

Материалы этнографического наблюдения расширяют и конкретизируют наши знания об этой особенности современной социальной жизни региона. Материальная культура алтайцев в городских условиях теряет свое хозяйственное и локальное значение и приобретает новые смыслы. Во-первых, элементы материальной культуры, например современная стилизованная одежда, становятся символикой этнической идентичности. Во-вторых, элементы материальной культуры, такие как кухонная утварь, в частности, кожаные сосуды, приобретают значение предметов престижа.

Кроме этого, этнографическое исследование миграционных процессов показывает специфику системы социальных отношений, которая заключается в сохранении двусторонних хозяйственных связей между новыми горожанами и жителями сел. С одной стороны, городская нуклеарная семья (особенно если она образовалась недавно) в большинстве случаев испытывает сложности в самостоятельном ведении хозяйства, и её поддержка деревенской, часто родительской, частью семьи воспринимается как необходимость и норма. С другой стороны, экономически самодостаточная сельская семья в отдельные хозяйственные периоды, такие как заготовка дров, сенокос, оток, стрижка скота и даже подготовка к важным событиям жизненного цикла, испытывает необходимость в привлечении больших трудовых сил, чем располагает в повседневной жизни, и удовлетворяет эту потребность за счёт мобилизации членов расширенной семьи, в том числе проживающих в городе. Все это создаёт

регулярную, попадающую в годовой хозяйственный цикл, систему обменов, при которой городская часть расширенной семьи регулярно получает продукты сельского хозяйства со стороны деревенской части этой семьи и отдаёт в рамках хозяйственного цикла свой физический труд.

В параграфе «Музей и проблема репрезентации культуры» на основе анализа основных подходов к исследованию музеев, предложенных в работах П. Верго, Ивана Карпа, Стивена Лавина, а также используемых в музейной антропологии и исследованиях национализма как социокультурного явления, делается вывод о том, что репрезентация культуры, как методологическая категория, сформировалась в контексте исследований функционирования музеев в современном мультикультурном обществе больших городов. Показывается, что такое отношение к репрезентации культуры является недостаточным для понимания работы музеев небольших населенных пунктов. В связи с этим необходимо расширенное понимание этого явления. Следуя идеям интерпретативной школы антропологии и исследований публичной культуры, репрезентацию этнической культуры в локальных музеях предлагается рассматривать как процесс, в котором в современных условиях одновременно объективируются, создаются и усваиваются культурные смыслы и их социальные значения.

В параграфе «Музеи Республики Алтай в контексте музеологических классификаций» проводится анализ понятия «музей» в российском праве и системы классификации этих учреждений в музеологии. На основе проведенного анализа проводится разделение типов локальных музеев в Республике Алтай, описывается современная музейная сеть региона, дается характеристика муниципальных и частных музеев Республики Алтай, послуживших основными типами учреждений при анализе репрезентации этнической культуры в локальных музеях.

В параграфе «"Маленький" музей: краеведческий, общественный, локальный» определяются критерии, позволяющие использовать словосочетание

«локальный музей» в качестве собирательного термина, описывающего исследованные муниципальные и частные музеи как отдельное явление. Приводится краткое описание истории развития краеведения и появления сети общественных музеев – институтов, предшествовавших современным локальным музеям. Делается вывод о том, что локальные музеи можно считать самостоятельным явлением, на формирование которого повлияли особенности исторического развития концепции локальной культуры, сформированной в краеведении, а также практики и модели управления ее образами, источником которых являются краеведческие и общественные музеи.

Во второй главе «Локальные музеи и социальная жизнь» на основе полевого материала, проводится анализ того, как современные социальные процессы, характерные для общественной жизни Республики Алтай, влияют на репрезентацию этнической культуры алтайцев в локальных музеях, как музеи создают и поддерживают символические границы локального сообщества, как выступают в качестве институтов, поддерживающих социальную солидарность.

В параграфе «Музей и локальная идентичность» анализируются способы репрезентации локальной идентичности на примере экспозиции «Историко-этнографического музея «Пазырык» в с. Улаган. Ряд проведенных в последнее десятилетие исследований показывает, что локальная идентичность, в основе которой лежит административное разделение на муниципальные районы, – важный элемент повседневной жизни населения Республики Алтай. Муниципальные музеи районов этого региона служат одним из инструментов, благодаря которым административные границы воображаются как границы культурные.

«Историко-этнографический музей «Пазырык» в с. Улаган – муниципальное учреждение культуры. По разным сведениям он был открыт в 1998 году. Появление этого музея имеет историю, которая служит примером развития музейного дела в районах Республики Алтай. Часть коллекции музея «Пазырык» была собрана для общественного музея в с. Балыктуйоль в

позднесоветский период. Музей в селе Балыктуйоль был закрыт в начале 1990-х годов: здание церкви, в котором он находился, передали религиозной общине, а музейный фонд законсервировали. Современная экспозиция музея «Пазырык» не содержит информации о жизни и достижениях совхоза и не позволяет увидеть и даже реконструировать то, что представлял собой общественный музей.

Демонстрация культурного смысла административных границ посредством акцентирования значимости археологических находок на территории Улаганского района является главным способом символической репрезентации локальной идентичности в экспозиции музея. Копии артефактов Пазырыкской культуры, найденных советскими археологами и хранящихся в настоящее время в Эрмитаже, представленные в центральном зале, в экспозиции локального музея получают дополнительное, отличное от информационного, ценностное значение. Пазырыкская культура репрезентируется как культура, имеющая значение культурного престижа для локального сообщества. Географическое сопоставление с ней наделяет культурным капиталом локальную культуру современных жителей Улаганского района. Археологические экспонаты выступают как инструмент, посредством которого в символику локальной идентичности интегрируются несколько престижных значений: «древность», «неповторимое мастерство», «таинственная религиозность».

Второй зал постоянной экспозиции музея «Пазырык» репрезентирует этническую культуру, которая помещается в реконструкцию жилища: шестиугольный сруб с конусной крышей, которое представляют как традиционное. В экскурсионной репрезентации этническая культура мыслится и как культура определенной исторической эпохи, и как элемент современной жизни местного населения. Особый акцент ставится на предметах, которые не только использовались алтайцами в быту исторически, но и функционируют как символическая ценность в современной социальной жизни алтайцев. В частности, это предметы, характерные для обрядов жизненного цикла – свадеб (кровать для свадебной церемонии, *к□ж□г□ одын*), маркирующие гендерные

роли и социальную структуру (тамги и символы *сеоков*), особую пищевую культуру (чай, *талкан*, *сырчик*, крупные куски мяса, кисломолочные продукты), религиозность (бубны, религиозная символика).

Третий зал постоянной экспозиции музея «Пазырык» репрезентирует отношение локального сообщества к Великой Отечественной Войне.

В конце параграфа делается вывод о том, что музей в целом предстаёт сценой, на которой работники районного отдела культуры переосмысляют археологические находки, этнографические экспонаты, связь с событиями Великой Отечественной войны как элементы локальной идентичности. В музейной репрезентации экспонаты предстают не просто предметами, имеющими историческое значение, но как вещи, имеющие моральную связь с современной локальной культурой, наделяющие её престижем и легитимизируя корпус символов локальной идентичности.

В параграфе «Музей как социальное событие» анализируется то, каким значением муниципальные музеи как учреждения наделяются локальным обществом на примере «Кокоринского историко-этнографического музея» (с. Кокоря Кош-Агачский район). На фоне хорошо изученной обрядовой культуры – ритуалов жизненного и календарного цикла, а также «новых» праздников, появившихся в период «национально-культурного» возрождения – праздничная культура именно локального сообщества остается недостаточно описанной. Участие локальных музеев в создании и поддержании локальной идентичности основано не только на конкретной экспозиции, но и на особом институциональном месте музеев в социальной жизни локального сообщества.

Авторитетный статус муниципального музея как учреждения создается и поддерживается социальными практиками. Проводимые там школьные занятия подчеркивают его авторитет и легитимность как источника формального публичного образования. Музей также посещают группы профессионалов образования и управления культурой и наделяют его значением профессионального успеха. Такие ограниченные социальные группы все же не

определяют главное социальное значение музея в жизни локального общества. Его комплексное значение и практики, его поддерживающие, выразились в праздничном событии – открытии музея.

«Кокоринский историко-этнографический музей» имеет отличную от музея «Пазырык» культурную карьеру, которая дает пример еще одной модели появления муниципальных музеев в Республике Алтай (почти аналогичную культурную карьеру прошел музей в с. Усть-Кан). Он не был общественным музеем и начинался как школьный музей. Кроме этого, музей – результат профессионального труда одного человека – К.А. Биддинова, заслуженного учителя Российской Федерации (музей в с. Усть-Кан также появился благодаря только одному человеку, учителю географии – Н.А. Шодоеву). Кокоринский музей был открыт в 1967 году (музей в селе Усть-Кан ведет свою историю с 1970-х годов). В 2000 году он перестал быть школьным музеем и стал «муниципальным» – музеем конкретного села. В 2008 году музей стал финансироваться из бюджета Кош-Агачского района, что еще более повысило его статус в глазах местных жителей. Изменение статуса музея часто сопровождается каким-либо событием светской праздничной культуры. В 2000 году в с. Кокоря проходили игры Эл Ойын (музей в с. Усть-Кан, минуя районный этап культурной карьеры, стал филиалом Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина в год празднования юбилея вхождения Алтая в Российскую Империю).

Получение «районного» статуса музеем в с. Кокоря сопровождалось появлением у него нового здания и было масштабным локальным событием. Проходивший праздник открытия музея в с. Кокоря репрезентировал и создавал статус музея с помощью большого набора различных социальных инструментов. О событии рассказывало региональное телевидение. При открытии музея присутствовали официальные лица Кош-Агачского района: глава администрации муниципального района, депутат Эл-Курултая (парламента Республики Алтай), глава отдела культуры, глава сельского поселения Кокоря, председатель

ассоциации коренного малочисленного народа теленгитов «Эре Чуй» и главный имам Кош-Агачского района. Музей получал подарки от чиновников различного статуса, в том числе от первого заместителя председателя правительства Республики Алтай Ю.В. Антарадонова. Отдел культуры района организовал церемонию торжественного открытия музея и праздничный концерт.

Несмотря на то, что статусная символика и даже организация события репрезентировали музей не как символ локального сообщества, а как учреждение, важное для национальной идеологии, жители села воспринимали и участвовали в нем как в событии праздничной культуры именно локального сообщества.

Параграф «Музеи и туризм» посвящен описанию и анализу моделей экспозиций этнической культуры алтайцев в частных (туристических) музеях. Частные туристические музеи характеризуются включенностью в туристическую инфраструктуру и туристическими репрезентациями этнической культуры. Ориентация на туристов как на главную аудиторию определяет стратегию музейной репрезентации, в основе которой лежат приемы экзотизации этничности. Алтайская культура в частных туристических музеях демонстрируется не как культура сама по себе, а как набор культурных особенностей, которые ярко отличаются от воображаемой культуры городского модерна, символом которой и являются туристы.

Экзотичный облик этничности конструируется с помощью предметов материальной культуры, в первую очередь – жилища. Использование для размещения музеев номинально традиционных для алтайцев строений – шестигранного сруба с конической крышей или войлочной каркасной юрты – не просто демонстрирует этническую культуру, но и привлекает внимание туристов своим экзотичным видом на фоне типичной деревенской застройки российского села. «Необычные» конструкции зданий музеев ярко декорируются с использованием виниловых баннеров, картин, костей животных. Пространство

вокруг музеев также конструируется как особенное: досуговое и противопоставленное повседневному (хозяйственному).

Туристы, посещающие частные (туристические) музеи, демонстрируют несколько моделей поведения, создающих разный туристический опыт. В соответствии с этим, музеи ориентируются на расширение своих репрезентационных возможностей для создания разного туристического продукта. Во-первых, они могут восприниматься как пространства вызывающие исключительно визуальный интерес. В этом случае посещение музея заключается в коротком осмотре экспонатов, фотографировании в «традиционной» одежде или на фоне экзотического пространства «традиционного» жилища. Нарративного развития экскурсия не получает. Во-вторых, посещение музеев мотивируется интересом к экскурсии. В этом случае визуальная экзотичность дополняется экскурсионным рассказом различной степени подробности и эмоциональности. Экскурсионные рассказы в музеях имеют схожую структуру. В их основе лежит нарратив об организации домашнего пространства: разделение на мужскую и женскую части жилища, определение его центра, особенностях предметов материальной культуры, специфика хозяйственных занятий. В-третьих, посещение музея включает знакомство с блюдами алтайской кухни и театрализованными представлениями (концерты горлового пения, театрализованные шаманские камлания). Это наименее частый, но наиболее интересный частным (туристическим) музеям способ репрезентации этнической культуры. Чаще всего он характерен для групповых посещений и приносит большую экономическую выгоду по сравнению с другими способами репрезентации.

Этнографическое описание частных (туристических) музеев показывает модели восприятия туристов в алтайском обществе и туризма как социального и культурного явления. Местные жители рассматривают туристов и туризм не только с экономической точки зрения, но и с точки зрения культуры преимущественно сельского населения региона. Практики туристического

потребления этнической культуры, которые были показаны при реконструкции моделей музейной репрезентации, поразительно контрастируют с идеями и целями, которые декларируют создатели музеев. Создатели и работники музеев рассматривают их не как рыночные инструменты, а как институты просвещения. Это противоречие объясняется с помощью переосмысления теории «постановочной аутентичности» Д. МакКеннела. Репрезентационные модели, которые используют музеи, показывают наличие иерархии в восприятии образов туризма и туристов. В основе такой иерархии лежат повседневные представления и моральные оценки современной городской культуры как правильной и неправильной, хорошей и плохой, то есть воображение «настоящей», аутентичной, туристической культуры, социальной роли и модели поведения «настоящего» туриста.

В третьей главе «Локальные музеи и культурные изменения» анализируются трансформации этнической культуры алтайцев: в первую очередь пищевой культуры, восприятия жилища и бытования устной культуры, фиксируемые как в повседневной жизни, так и в публичной сфере, в том числе в музейных репрезентациях. Изменения, которые претерпевает и материальная культура, связаны с социальным усложнением алтайского общества: появлением различных образов жизни и типов повседневности и сложением устойчивой системы социальных взаимоотношений между людьми с различающимися образами жизни. Культурные трансформации можно характеризовать и как изобретение традиций как социальных фактов, и как воображение новых форм солидарности. Демонстрируется, что роль локальных музеев в поддержании и развитии культуры алтайцев состоит не в сохранении и распространении знания об исторически существовавших особенностях культуры, а в осмыслении новых опытов повседневной жизни как социально значимых и культурно ценных.

В параграфе «Изобретая алтайскую национальную кухню» анализируется трансформация пищевой культуры алтайцев в современных формах. Изучая пищу, советские этнографы концентрировались на использовании полученных

данных в качестве исторического источника. Современные научные подходы значительно расширили проблемную область. Пища исследуется как элемент этнической идентичности; внимание уделяется новым институтам и практикам, создающим из пищи факты современной социальной жизни. Важное место уделяется исследованию трансформации пищи в институт национальной кухни – явления, существующего в кулинарных книгах, практиках общественного питания, музейных экскурсиях, которые создают новые современные культурные значения пищи и новые пространства ее бытования.

Трансформацию пищи алтайцев можно наблюдать как в повседневных пищевых практиках, так и в появлении новых институтов, создающих из пищи национальную кухню. Важным элементом этнической идентичности в повседневной жизни является потребление в пищу мяса. В повседневной жизни потребление мяса не столько символ престижа и высокого социального положения, как это было в конце XIX – начале XX вв., сколько символ деревенской повседневной культуры – наиболее распространенного типа образа жизни среди алтайцев. Современная праздничная культура алтайцев – также результат трансформаций пищевой культуры. Это заметно не только в изменениях состава праздничной трапезы, воспринимающегося как должный, но и в расширении количества групп: от нуклеарной семьи до администраций муниципальных районов, которые посредством коллективных трапез демонстрируют и утверждают свой престиж и, в конечном счете, самих себя. Изменяется и список социально ценных событий, наступление которых необходимо сопроводить праздником локального сообщества. Например, к таковым относятся проводы в армию, получение диплома о высшем образовании. Наконец, в публичной сфере, благодаря появлению кулинарных книг, ресторанов и кафе, музейных репрезентаций, происходит изобретение кухни алтайцев, как отдельного явления. Кухня в кулинарных книгах не только изобретает целостность пищи и создает ее логику и структуру, но и изобретает

новые социальные роли для нее – деликатесов, салатов, первых и вторых блюд, десертов.

В параграфе «Воображая традиционное жилище алтайцев» анализируются современные трансформации другого элемента материальной культуры алтайцев – жилища. Как и в отношении пищи, трансформация жилища происходит не только в сфере повседневной жизни. Жилище стало символом публичной алтайской культуры, маркером этнической идентичности, и, в качестве такового, широко представлено в публичной сфере. Исторически алтайцы использовали несколько типов жилища, наиболее распространенными среди которых были конусное (жердевое) сооружение – *айыл* и войлочная юрта. В конце XIX – начале XX вв. было также зафиксировано использование в качестве жилища многоугольного бревенчатого *айыла* с конусной крышей, однако распространен он был, видимо, только у оседлых групп алтайцев с высокой социальной позицией в обществе. Показательно, что именно этот тип жилища сегодня воображается как «традиционный» и служит наиболее распространенным способом репрезентации этнической культуры в публичной сфере, в том числе в локальных музеях и становится метафорическим символом этнической культуры алтайцев вообще.

Широкая вовлеченность такого типа жилища как многоугольный *айыл* в воображение этнической культуре алтайцев дает возможность провести интерпретацию создаваемых такой репрезентацией смыслов. В этих целях особенную важность приобретает этнографический метод. Наблюдения за открытием и функционированием алтайского *айыла*-музея с. Уймон Усть-Косинского района Республики Алтай показывают, как здание *айыла* – каркас, построенный русскими работниками Музея Рериха, становится инструментом и площадкой музейной репрезентации алтайской этнической культуры и одновременно с этим жилым пространством приглашенного экскурсовода. В результате делается вывод о том, что при музейной репрезентации этнической культуры используется широкий круг источников, среди которых научные

знания занимают периферийное место. Музейная репрезентация этнической культуры в музее-*айыле* состояла в воображении жилища как суммы практик и моделей поведения, имеющих культурную ценность для современных алтайцев, но не выходящих за границы определенного типа повседневности и образа жизни.

Приведенные наблюдения расширяют контекст, в котором анализируется трансформация жилища алтайцев. Использование образа жилища в публичной сфере, в том числе в локальных музеях, можно интерпретировать как символ национальной культуры, инструмент воображения сообщества, объединенного одной материальной культурой. Наряду с этим, многие локальные музеи – это пространства, отражающие частные взгляды и личное мировоззрение, в том числе на жилище и жилое пространство. Опираясь на полевой материал, проводится анализ различий в отношении к разным типам жилища в повседневной культуре алтайцев.

Многоугольный *айыл* как элемент современной культуры алтайцев является пространством, в котором создается важный социальный опыт. В условиях миграции молодёжи из деревни в город – процесса, трансформирующего систему социальных связей и создающего специфику связей хозяйственных, деревня остаётся местом, где происходят главные события не только хозяйственного, но и жизненного цикла современных алтайцев. Важную роль в любом из таких событий занимает типичное деревенское жилище – многоугольный *айыл*. Учитывая это, меняется интерпретация смыслов, которые репрезентируют такие постройки в локальных музеях. Многоугольный *айыл* – инструмент не только воображения национального сообщества, но и воображения современного института родства, солидарности семейной группы, вышедшей за границы локального сообщества.

В параграфе «Музей и гибридизация устной культуры» на примере экскурсионных рассказов предпринимается попытка анализа трансформации современной устной культуры алтайцев. Рассказы в музеях являются частью

современной устной культуры алтайцев. Их содержание отражает повседневный устный опыт. Он имеет особенную – устную – форму и воспринимается как культурная ценность.

Устная культура ценится в современном алтайском обществе сама по себе. К устной традиции в современной алтайской культуре демонстрируется особенное моральное отношение. Одним из главных символов алтайской нации является эпос, а связанное с ним исполнительское мастерство – горловое пение, государство развивает институционально. Вместе с этим устная культура алтайцев очень разнообразное явление. Символическая система, которая воспроизводится в современной устной культуре, находится в процессе активного развития. В неё включается не только символика, которая придаёт современным устным рассказам черты фольклорной культуры, но также символика из области массовой культуры.

Локальные музеи – это пространства, в которых воспроизводятся рассказы о культуре алтайцев, бытующие и в повседневной жизни. Анализ таких рассказов о культуре алтайцев позволяет понять, как создаются условия для появления новых текстов и сюжетов, соответствующих потребностям, ценностям и мировоззрению современных людей.

В этих целях в параграфе проводится анализ рассказа о горе *Алмыс туу*, который был записан в музее с. Усть-Кан. Сравнение образа *алмыса* в музейном тексте с образами *алмыса*, известными в записанном фольклоре, показывают, что образ фольклорного персонажа трансформируется. В этом тексте иначе рисуется пол *алмысов*, модель сосуществования и характер их отношений с людьми. Кроме этого, образ *алмыса* насыщается качествами, нехарактерными для него исторически, например, гипнотическими способностями. Наконец, характерной чертой этого текста являлось прямое сопоставление фольклорных существ (*алмысов*) и персонажей массовой культуры (снежного человека, неандертальцев).

Подобные тексты, но с другими персонажами (например, *алтайдын ээзи* и снежный человек), можно услышать в регионе и в обычных разговорах. Вероятно, наиболее успешным использованием этого приема можно считать различные тексты об «алтайской принцессе», в которых фольклорный персонаж (*Очы бала*) объединяется с образами персонажей массовой культуры (принцесса, жрица). Кроме этого, музейный рассказ об *Алмыс туу* интересен тем, что позволяет проанализировать влияние письменных текстов на трансформацию устной культуры, поскольку он явно связан как минимум с двумя письменными текстами: статьей в журнале «Итоги» и работами бийского краеведа Д.В. Ерошкина. Сравнение текста, записанного в музее, с письменными текстами показало, что сопоставляя символику разных жанров и стирая границы между ними, каждый из текстов выстраивал иерархию образов персонажей, создавая позиции объясняющего и объясняемого. В письменных текстах воспроизводилась логика, в которой «научное» объяснение легитимирует «фольклор» как форму памяти. Устный музейный рассказ с этой точки зрения отличался. В нем, напротив, научное знание легитимируется фольклорным знанием путем моральной интерпретации.

В заключении дается краткий обзор основных положений исследования и подводятся его итоги.

1) Исследование музеев – одно из новых междисциплинарных направлений в социальных и гуманитарных науках, важное место в котором занимают проблемы и методы антропологии. В качестве такового это направление сформировалось только в последней четверти XX в. В этот период, широкое признание получили работы, в которых была продемонстрирована роль этого института в формировании национальных культур и национализма. Вместе с этим, методология исследования музеев, работающих в небольших населенных пунктах, то есть вне социального контекста, делающего их успешным инструментом воображения большого, не связанного постоянными личными связями, сообщества, требует уточнения. Проблема музеев как институтов

репрезентации культуры локального сельского сообщества находит решение благодаря привлечению методологии интерпретативной школы антропологии и исследований публичной культуры.

2) Появление музеев в небольших населенных пунктах и модель их работы в контексте сельского образа жизни объясняется комплексом причин. Во-первых, локальные музеи и как учреждения, и как институты, продолжают традицию, сформированную инфраструктурой советского просвещенческого проекта, а именно распространением идей и ценностей краеведения, краеведческих и общественных музеев. Во-вторых, экспозиции муниципальных музеев в современном варианте, отражающие интерес к этнической культуре, формировались в контексте «национально-культурного возрождения», и свидетельствуют о широком распространении соответствующих идей в алтайском обществе, выходящем за границы политической и культурной элиты алтайцев. В-третьих, локальные музеи нашли свое место в границах локальной культуры, на микросоциальном уровне. Благодаря этому репрезентации этнической культуры являются востребованными в локальном сообществе и имеют прочтение, отличающееся от идеи алтайской национальной культуры.

3) Этнологическое изучение работы локальных музеев Республики Алтай дало возможность описать влияние современных общественных и культурных процессов на этническую культуру алтайцев в границах отдельного социального и материального явления. В литературе музеи рассматриваются как учреждения, которые являются участниками процесса сложения и распространения национальной формы культуры. В Республике Алтай можно наблюдать более сложную ситуацию. Музеи как институты помогают поддерживать и укреплять солидарность членов локального сообщества, создают модели и практики потребления национальных, локальных и туристических образов этнической культуры. Музеи как культурные явления представляют собой сцены, на которых опыт переживаний типичных для повседневной жизни

алтайцев жизненных событий и ситуаций объективируется, типизируется и воспроизводится как культурная ценность.

4) Среди исследованных локальных музеев Республики Алтай удалось выделить особенный вид – туристический (или частный). Туристические музеи не имеют отчётливых связей с каким-либо локальным сообществом, группой профессионалов, а также между собой. Вместо этого, такие музеи включены в туристическую экономику. Они открываются и работают в местах концентрации туристов, например, на сувенирных рынках, а иногда сами образуют аналогичные пространства, как правило, сочетая работу музея с организацией питания для путешественников. В этой ситуации локальные музеи становятся сценами, на которых формируется туристический опыт, модели туристического отношения к этнической культуре. В диалоге с этим, туристические музейные репрезентации показывают модель восприятия алтайцами туризма, как современного социального явления.

5) Проблема, стоящая за фактом неожиданно большого количества действующих локальных музеев, широкой популярности идеи создания музея, положительной общественной оценки такого действия на фоне отсутствия постоянных местных посетителей, может быть объяснена благодаря включению в анализ ситуации социальных факторов. Важнейший из них – разделение Алтая на туристический и нетуристический, которое проявляется не только в экономической сфере и развитии инфраструктуры, но также и в распространении новых моделей культурного потребления. Развитие туристической индустрии повлияло на этническую культуру алтайцев. Частные музеи стали одним из инструментов коммерциализации этнической культуры. В этом качестве они сформировали её «витрину» и показали не вызывающую широких споров модель использования этнической культуры как экономического ресурса. Визуальные, пространственные, пищевые практики, создающие музейную репрезентацию для туристов, передают значение инаковости и опыт переживания этого чувства. Это значение музейной репрезентации пропадает вместе с изменением социального и

культурного контекста, в котором она появляется. Муниципальные музеи, сохраняя возможность создавать туристический опыт, также расширяют свои репрезентационные возможности, ориентируясь на внутреннее локальное потребление.

6) Модели репрезентации локальными музеями элементов материальной культуры, в частности пищи и жилища, показывают наличие символического и смыслового континуума, объединяющего различные локальные и социальные значения этих элементов материальной культуры. Особенно структурированное и организованное пространство жилища, для демонстрации которого музеи используют войлочные юрты и (или) многоугольные *айылы*, воспринимается современными алтайцами с точки зрения разных режимов ценности. Оно выступает как символ кочевого или деревенского образа жизни, как ритуальное пространство родственной группы, в котором происходят значимые события жизненного цикла, а также как символ алтайской национальной культуры. Похожим образом воспринимается и пища алтайцев, которая является фундаментальной частью религиозных ритуалов, может играть роль маркера этнической идентичности, а также служить средством символической коммуникации на социально значимых событиях. Вместе с этим пищевая культура алтайцев трансформируется, приобретая нехарактерные для неё роли, например высокой кухни, и формы институционализации, например, организации общественного питания.

7) Исследование репрезентаций этнической культуры в локальных музеях, дает возможность рассмотреть вектор трансформации устной культуры алтайцев в ее повседневном бытовании. Устные музейные репрезентации этнической культуры воспроизводят темы и образы из разных источников, среди которых важную роль играют: фольклор, краеведение, средства массовой информации. Персонажи алтайского фольклора в музейной репрезентации трансформируются под влиянием массовой культуры, принимая качества, нехарактерные для них исторически. Такой фольклор воспринимается как форма

локального исторического знания. В этом качестве, он понимается как культурная ценность, поскольку ему находят аналогии в таинственных образах прошлого и мистического настоящего, создаваемых и распространяемых средствами массовой информации.

8) Современная алтайская культура включает в себя и характеризуется широким спектром различных типов повседневностей, которые, тем не менее, интегрированы в цельный жизненный опыт. Миграция, из сельской местности в город (особенно молодёжи), появление городских алтайцев породило не конфликт противоположных образов жизни – городского, сельского и кочевого, – а их сочетание. Родственная группа для современных алтайцев представляет собой не локальную единицу, схожий образ жизни и повседневный опыт, а напротив, систему социальных отношений, выходящую за конкретные территориальные и административные границы, характеризующуюся высокой мобильностью в экономических и культурных целях, и поиском общих значений и смыслов объектов и символов этнической культуры. Локальные музеи дают возможность описать и изучить конкретные примеры этого пути трансформации этнической культуры.

Приложения содержат фотографии описываемых локальных музеев и фрагментов их экспозиций, а также карту локальных музеев Республики Алтай по состоянию на 2010 год, реконструкции планов стоянок и перекочевков семьи теленгитов, ведущей кочевое хозяйство.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

Публикации в периодических изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1) Маслов Д.В. Рец. на: A. Halemba. The Telengits of Southern Siberia. Landscape, Religion and Knowledge in Motion. N.Y., 2006 // Этнографическое обозрение. 2008. № 2. С.178 – 180.

2) Маслов Д.В. Рец. на: Reconstructing the House of Culture. Community, Self, and the Makings of Culture in Russia and Beyond/ Eds. Brian Donahoe and Joachim Otto Habeck. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2011 // Антропологический форум. 2014. № 21. С. 327 – 337.

3) Маслов Д.В. Этничность и бюрократия: заметки о солидарности коренных малочисленных народов Республики Алтай // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2. С. 60 – 81.

4) Маслов Д.В. Современная кухня алтайцев: техники воображения пищевой культуры и репрезентация этнической идентичности // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1 (27). С. 52 – 55.

5) Маслов Д.В. Между фермером и чабаном: хозяйство и образ жизни современных алтайцев // Традиционная культура. 2017. № 1 (65). С. 125 – 133.

В других изданиях:

1) Маслов Д.В. Причины землетрясения 2003 года в Кош-Агачском районе Республики Алтай глазами алтайцев // Полевые исследования студентов РГГУ: этнология, фольклористика, лингвистика. Выпуск I. М.: РГГУ, 2006. С. 24 – 27.

2) Сарбашева С.Б., Маслов Д.В. Хозяйственные занятия и материальная культура // Тюркские народы Сибири / Отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов. М.: Наука, 2006. С. 498 – 504.

3) Маслов Д.В. Формальный и неформальный типы солидарности у этнических меньшинств г. Горно-Алтайска // Тезисы докладов IX Конгресса этнографов и антропологов России. Петрозаводск, 2011. С. 405.

4) Маслов Д.В., Виханская В.И. Горно-Алтайск (Республика Алтай) // Мы здесь живем: Социальная антропология малого российского города / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: РГГУ, 2013. С. 622 – 649.